

Новые знакошства

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

[Почитать описание, рецензии и купить на сайте МИФа](#)

ГЛАВА 1

Джойс

Давайте-ка начнем с Элизабет, хорошо? И посмотрим, что из этого выйдет.

Я ее, конечно, знала: Элизабет здесь все знают. Она из квартир на три спальни в Ларкин-корт*. Вроде бы из угловой, с балкончиком. И еще я в одной викторине играла в команде со Стефаном, а он, по стечению многих обстоятельств, третий муж Элизабет.

Это случилось за ланчем месяца два или три назад и, должно быть, в понедельник, потому что подавали пастуший пирог. Элизабет сказала: да, она видит, что я сейчас ем, но ей хотелось бы задать вопрос про ножевую рану, так не будет ли это бестактностью.

Я ответила: «Ничего, спрашивайте, конечно» или что-то в этом роде. Я не всегда точно все запоминаю, лучше уж сразу вам сказать. Тогда она открыла папку, в которой я увидела бумаги и, кажется, краешки старых фотографий. А затем перешла прямо к делу.

Элизабет попросила меня представить, что некую девушку ударили ножом. Я спросила, каким ножом, а Элизабет сказала, что, вероятно, обычным кухонным. «Джон Льюис». Марку она не назвала, но я представила именно такой нож. Потом она попросила вообразить, что преступник ударил

* Многоквартирные дома в поселке называются по именам известных поэтов — Ларкин, Рёскин, Вордсворт и т. д. *Здесь и далее примечания переводчика, если не указано иное.*

девушку три или четыре раза, точно под грудь. Ударил — выдернул, ударил — выдернул, мерзкие раны, но артерию не задело. Элизабет говорила довольно тихо, потому что люди ели, а она все же привыкла держаться в рамках приличия.

И вот когда я представила себе эти ножевые раны, она меня спросила, за какое время та девушка истекла бы кровью до смерти.

Кстати, мне следовало бы раньше упомянуть, что я много лет была медсестрой, а то вам такой разговор может показаться странным. Элизабет об этом откуда-то прознала, она все знает. Словом, потому она ко мне и обратилась. Вы, верно, удивляетесь, к чему я веду. Даю слово, я все объясню.

Я, помню, промокнула губы, прежде чем отвечать, — как иногда показывают по телевизору. Это придает вам умный вид, сами попробуйте. Я спросила, сколько весила девушка.

Элизабет нашла в конверте нужный лист, поводила пальцем и прочитала, что вес девушки сорок шесть килограммов. Это нас обеих сбilo с толку — ни она, ни я не знали, сколько будет сорок шесть килограммов в нормальных единицах измерения. Я в уме подсчитала, вышло что-то около двадцати трех стоунов*. Мне казалось, считается два к одному. Но я сразу спохватилась, что, наверное, перепутала с дюймами и сантиметрами.

Элизабет меня заверила, что двадцать три стоуна та девушка точно не весила, у нее в конверте была фотография

* Стоун (или стон) — британская единица измерения массы, обычно используется, когда речь идет о массе тела человека. Равняется приблизительно 6,35 килограмма.

Прим. ред.

трупа. Затем сунула мне конверт и обратилась к залу: «Спросите кто-нибудь у Бернарда: сорок шесть килограммов — это сколько?»

Бернард всегда садился один за маленький столик ближе к патио. Стол номер восемь. Это вам знать ни к чему, но про Бернарда я немножко расскажу.

Он был очень добр ко мне, когда я только перебралась в Куперсчейз. Принес мне клематисов и объяснил порядок вывоза мусора. Здесь четыре бачка разных цветов. Четыре! Спасибо Бернарду, я теперь знаю, что зеленый — для стекла, а голубой — для бумаги и картона. Насчет красного и черного можете гадать с тем же успехом, что и я. Чего я только не видела, проходя мимо. В один из них кто-то запихнул факсимильный аппарат.

Бернард раньше был профессором каких-то естественных наук, работал по всему миру, даже в Дубае побывал, когда об этих Эмиратах никто еще и не слышал. Он одевался к ланчу по всей форме, в костюме с галстуком, а вот читал при этом «Дейли экспресс».

Мэри из Рёскин-корта, сидевшая за соседним столиком, отвлекла его от газеты и спросила, сколько будет сорок шесть килограммов в стоунах.

Бернард кивнул и повернулся к Элизабет.

— Чуть больше семи и трех десятых.

Такой у нас Бернард.

Элизабет его поблагодарила и сказала, что вроде бы похоже на правду, после чего Бернард снова занялся кроссвордом. Я потом проверила насчет сантиметров и дюймов — хоть в этом я не ошиблась.

Элизабет вернулась к вопросу. Сколько прожила бы девушка после нескольких ударов кухонным ножом? Я предположила, что, если ей не оказали помощи, она, вероятно, умерла бы минут через сорок пять.

— Да, вот именно, Джойс, — сказала Элизабет и снова стала спрашивать: — А если бы девушке оказали помощь? Не врач, но человек, способный затампонировать рану. Например, отслуживший в армии. Или вроде того.

Я в свое время навидалась ножевых ран. Мне ведь приходилось иметь дело не только с растянутыми лодыжками. Вот я и сказала, что тогда она бы вообще не умерла. И действительно, не умерла бы. Рана нешуточная, но ее без труда залатали бы.

Элизабет покивала и ответила, что она точно так и сказала Ибрагиму, хотя я тогда еще не была знакома с Ибрагимом. Я же говорю, с тех пор прошла пара месяцев.

Элизабет заподозрила, что дело тут нечисто, и предположила, что девушку убил ее парень. Я знаю, такое часто случается. Вы наверняка о таком читали.

Наверное, до переезда подобный разговор меня удивил бы, но, когда тут со всеми познакомишься, понимаешь, что это в порядке вещей. На прошлой неделе я разговори-лась с человеком, который изобрел мятное мороженое с шоколадной крошкой, если не врет, конечно. Проверить-то мне негде.

Я рада была немножко помочь Элизабет и решила, что вправе рассчитывать на ответную услугу. Спросила, можно ли мне посмотреть фотографию трупа. Чисто профессиональный интерес.

Элизабет просияла, как просиял бы кто другой в ответ на просьбу показать снимки выпускного вечера внука или внучки. Она вытянула из папки ксерокопию на листе А4, положила передо мной чистой стороной вверх и сказала, что я могу оставить себе, у них у всех уже есть копии.

Я ответила, что она очень добра, а она — что не стоит благодарности и что нельзя ли задать мне еще один, последний вопрос.

— Конечно, — сказала я.

И она спросила: «Вы по четвергам не заняты?»

Можете мне не верить, но я тогда впервые услышала про четверги.

ГЛАВА 2

Констебль Донна де Фрейтас хотела бы иметь личное оружие. Она предпочла бы гоняться за серийными убийцами по пустынным складам, угрюмо делать свое дело, не обращая внимания на кровоточащую пулевую рану в плече. Может быть, научиться пить виски и завести роман с напарником.

Но пока двадцатишестилетняя Донна сидит за ланчем — без четверти двенадцать! — с четырьмя незнакомыми пенсионерами и понимает, что до серийных убийц ей еще расти и расти. Впрочем, она готова признать, что последний час выдался довольно забавным.

Донна много раз проводила занятия «Практика домашней безопасности». И сегодня, как обычно, ее слушали пожилые люди: укутанные пледами колени, бесплатное печенье, кто-то блаженно похрапывает в заднем ряду. Каждый раз она советует одно и то же. Непременнo, обязательно запирайте окна, проверяйте удостоверения и никогда не давайте никаких личных сведений по телефону. Главная ее задача — показать себя как надежную опору в ужасающем мире. Донна это понимает, к тому же это повод оторваться от бумаг и сбежать из участка, так что она сама вывzвалась. Полицейский участок в Файрхэвене для Донны слишком уж сонный.

А сегодня она попала в поселок пенсионеров в Куперсчейзе. С виду совершенно мирный. Зелено, сонно и безмятежно,

а подъезжая, она высмотрела симпатичный паб, чтобы пообедать на обратном пути. Так что с рукопашными и преследованием маньяков на скоростном катере придется подождать.

— Безопасность, — начала Донна, одновременно размышляя, стоит ли делать татуировку. С дельфином, пониже спины. Или это слишком избито? А больно будет? Наверное, будет, но она офицер полиции или кто? — Что мы подразумеваем под словом «безопасность»? Ну, разные люди понимают это слово по-...

В переднем ряду кто-то поднял руку. Что было не совсем обычно, и к тому же лекция только началась. Женщина за восемьдесят в безупречном платье хотела что-то сказать.

— Дорогая моя, мы все надеемся, что вы не будете учить нас запирать окна.

Женщина оглядела сидящих и дождалась одобрительного бормотания.

За ней вступил втиснутый в ходунки джентльмен из второго ряда:

— И пожалуйста, не надо про удостоверения. Про удостоверения мы уже все знаем. «Вы правда из газовой компании или вы взломщик?» Мы усвоили, честное слово.

И началось!

— Теперь не газовая компания, теперь «Центрика», — заметил мужчина в отличном костюме-тройке.

Тот, что сидел рядом с ним, — в шортах, шлепанцах и рубашке с эмблемой «Вест Хэм Юнайтед»^{*} — не упустил случая вскочить и ткнуть пальцем, ни в кого конкретно не целя.

— Скажи спасибо Тэтчер, Ибрагим. Когда-то это был наш газ!

^{*} Футбольный клуб Стратфорда.

— Ох, сядь ты, Рон, — одернула его женщина в изящном платье. И, обращаясь к Донне, добавила, медленно качая головой: — Прошу прощения за Рона.

Шум не умолкал.

— Что это за преступник, если он не умеет подделывать удостоверения?

— У меня катаракта. Сунь мне под нос библиотечный билет, я и впущу.

— Да теперь счетчики и не проверяют. Всё в Сети.

— В облаке, дорогая.

— Я бы даже обрадовалась взломщику. Хоть кто-то бы навестил.

Наконец возникло недолгое затишье. И какофония свиста: одни включали слуховые аппараты, другие их выключали. Женщина из первого ряда снова приняла командование:

— Так вот... я, кстати говоря, Элизабет... не надо про оконные задвижки, прошу вас, и про удостоверения, и можете не рассказывать, что нельзя называть свой ПИН позвонившему по телефону нигерийцу. Если еще позвоительно называть их нигерийцами.

Донна де Фрейтас собралась с силами, но про ланч на обратном пути и про тату она больше не думала — вспоминала курс по противодействию уличным беспорядкам, прослушанный в старые добрые времена в Лондоне.

— Но тогда о чем же мы будем говорить? — спросила она. — Я должна чем-то занять сорок пять минут, а то мне не дадут отгул.

— Институциональный сексизм в полицейской службе? — предложила Элизабет.

— Я хотел бы послушать о противозаконном расстреле Марка Дугана — с санкции властей и...

— Сядь, Рон!

Так весело и приятно они провели час, после чего Донну горячо поблагодарили, показали ей фотографии внуков и пригласили остаться на ланч.

И вот она ест салат в «первоклассном современном ресторане» — если верить меню. Без четверти двенадцать рановато для ланча, но какой же полицейский откажется от дармового угощения? Донна отмечает, что пригласившая ее четверка не только управляет с полноценным ланчем, но и откупорила бутылку красного вина.

— В самом деле, изумительное выступление, Донна, — говорит Элизабет. — Нам ужасно понравилось.

Элизабет напоминает Донне тех учителей, которые месяцами наводят на тебя страх, а потом выводят «отлично» в году и плачут, расставаясь. Может быть, дело в твидовом пиджаке.

— Ослепительно, Донна, — подхватывает Рон. — Можно мне называть вас Донна, милочка?

— Можете называть меня Донной, но милочкой, пожалуйста, не стоит, — говорит ему Донна.

— И то верно, дорогуша, — соглашается Рон. — Запомню. Да, насчет той истории про украинца с парковочными талонами и цепной пилой. Вы можете недурно зарабатывать вечерними выступлениями. Я знаю кое-кого, хотите, дам телефон?

Салат — объедение, думает Донна, а она нечасто так думает.

— Из меня, наверное, вышел бы потрясающий контрабандист.

Это вступает Ибрагим — тот, кто на лекции упомянул «Центрику».

— Все дело в логистике, не так ли? И еще в развеске, а это я с удовольствием, развешу самым точным образом.

А для счета денег у них теперь машинки. Все по-современному. Вы когда-нибудь ловили наркоторговца, констебль де Фрейтас?

— Нет, — признается Донна, — хотя планирую.

— Но правда, что у них есть машинки для пересчитывания денег? — интересуется Ибрагим.

— Да, есть, — говорит Донна.

— Удивительно. — Ибрагим приканчивает свой бокал вина.

— Мы быстро начинаем скучать, — добавляет Элизабет, тоже опустошив свой бокал. — Упаси нас бог от оконных задвижек, женщина-констебль де Фрейтас.

— Теперь говорят просто констебль, — сообщает Донна.

— Понятно, — поджимает губы Элизабет. — А если я все-таки буду говорить: женщина-констебль? Вы меня арестуете?

— Нет, но стану думать о вас чуточку хуже, — отвечает Донна. — Потому что это ведь такая малость, а вы оказались бы мне уважение.

— Черт! Шах и мат. Ладно! — говорит Элизабет и губ больше не поджимает.

— Спасибо, — говорит Донна.

— Угадайте, сколько мне лет, — спрашивает ее Ибрагим.

Донна колеблется. Ибрагим хорошо одет, у него прекрасная кожа. И пахнет от него замечательно. И в нагрудном кармашке искусно сложенный платок. Волосы редют, но сохранились. Ни брюшка, ни второго подбородка. И все же, если заглянуть глубже? Хм. Донна смотрит на руки. Руки всегда выдают возраст.

— Восемьдесят? — решает она.

И видит, как паруса Ибрагима опадают, теряя ветер.

— Да, угадали. Но я выгляжу моложе. Я выгляжу на семьдесят четыре. Все подтвердят. А все дело в пилатесе.

— А вы что о себе расскажете, Джойс? — обращается Донна к четвертой в компании — маленькой седой женщине в лавандовой блузке и сиреневом кардигане. Та сидит с совершенно счастливым видом, упиваясь разговором. Рот на замке, зато глаза сияют. Как притихшая птичка, высматривающая, не блеснет ли что на солнце.

— Я? — отзывается Джойс. — Мне и сказать нечего. Была медсестрой, потом мамой и снова медсестрой. Боюсь, ничего интересного.

Элизабет коротко фыркает.

— Вы ей не верьте, констебль де Фрейтас. Джойс из тех, кто доводит дело до конца.

— Просто я дисциплинированная, — говорит Джойс. — Это теперь немодно. Если я сказала, что буду ходить на зумбу, значит, пойду на зумбу. Такая уж я есть. Интересный человек в нашей семье — моя дочка. Она заведует хедж-фондом, если вы представляете, что это такое.

— Вообще-то не представляю, — признается Донна.

— И я, — соглашается Джойс.

— Зумба была до пилатеса, — говорит Ибрагим. — Я считаю, совмещать их не стоит. Для основных групп мышц это противоестественно.

На протяжении всего ланча Донну глодал один вопрос.

— Можно мне спросить? Я понимаю, что все вы живете в Куперсчейзе, но как вышло, что вы четверо стали друзьями?

— Друзьями? — кажется, Элизабет смешно. — О, дорогая, мы не друзья.

Рон хихикает.

— Господи, любовь моя, какие мы друзья! Тебе до-
лить, Лиз?

Элизабет кивает, и Рон подливает вина. Пошла в ход вторая бутылка. Часы показывают 12:15.

Ибрагим поддерживает:

— Не думаю, что здесь подходит слово «друзья». Мы не стали бы просто так общаться, у нас очень разные интересы. Рон мне, пожалуй, нравится, но с ним бывает трудно.

Рон кивает.

— Еще как трудно!

— А у Элизабет слишком обескураживающие манеры.

Элизабет кивает.

— Боюсь, что так и есть. Я всегда была не на всякий вкус. Еще со школьных лет.

— Джойс мне нравится. Думаю, Джойс нам всем нравится, — говорит Ибрагим.

Рон с Элизабет снова кивают.

— Спасибо, конечно. — Джойс гоняет горошины по тарелке. — Вам не кажется, что пора бы уже кому-то изобрести плоский горошек?

Озадаченная Донна пытается разобраться:

— Но если вы не друзья, то кто же?

Донна видит, как Джойс, подняв глаза, качает головой и оглядывает остальных — совершенно невероятное собрание.

— Ну, — говорит Джойс, — во-первых, мы, конечно, друзья, просто до них немножко с запозданием доходит. И во-вторых, констебль де Фрейтас, если в приглашении это не прозвучало, так только по моей оплошности. Мы — Клуб убийств по четвергам.

У Элизабет от красного вина стеклянно блестят глаза; Рон почесывает татуировку «Вест Хэм» на шее, а Ибрагим полирует и без того блестящую запонку.

Ресторан понемногу заполняется, и Донна — не первая из посетителей Куперсчейза — думает, что это не худшее

место для жизни. Она убить готова за бокал вина и свободный день.

— А еще я каждый день плаваю, — заключает Ибрагим. — Чтобы сохранить упругость кожи.

Куда она попала?

ГЛАВА 3

Если вы когда-нибудь надумаете выехать из Файрхэвена по A21 в сердце кентского Уилда, вам попадется на дороге старая телефонная будка, до сих пор работающая, — на крутом повороте налево. Поезжайте еще ярдов сто до знака: «Уайтчерч, Эббот-Хатч и Лентс-Хилл», а за ним поверните направо. Проедете через Лентс-Хилл мимо «Голубого дракона» и маленького магазина фермерских продуктов с большим яйцом перед входом и попадете к каменному мостику через Робертсмер. Робертсмер считается рекой, но не дайте сбить себя с толку и не надейтесь увидеть что-то величественное.

Сразу за мостом съезд на однополосную дорогу. Вам покажется, будто она ведет не в ту сторону, но так быстрее, чем по маршруту из официальной брошюры, да и живописнее, если вы любите живые изгороди с гибискусом. Под конец дорога расширяется, и сквозь высокие деревья на склоне холма можно увидеть признаки жизни. Впереди показывается крошечная деревянная автостанция, она тоже работает, если один автобус в день туда и обратно считать работой. Перед самой автобусной остановкой слева вы увидите указатель на въезд в Куперсчейз.

Строить Куперсчейз начали лет десять назад, когда католическая церковь продала эту землю. Первый жилец,

а именно Рон, въехал тремя годами позже. Реклама говорила о «первом в Британии люкс-поселке для пенсионеров», хотя Ибрагим, а он проверял, говорит, что это седьмой. Сейчас в поселке около трехсот проживающих. Сюда нельзя въехать, пока вам не исполнилось шестидесяти пяти, и каждый день, проезжая по защитной решетке от скота*, доставочные фургоны «Уэйтроуз» позвякивают винными бутылками и лекарственными пузырьками.

Господствующую над Куперсчейзом высоту занимает старинный монастырь, от которого спиралью расходятся улицы новой застройки. Сто с лишним лет здание монастыря наполнилось тишиной, сухим шелестом монашеских ряс и спокойной уверенностью в молитвах, которые непременно будут услышаны. В его темных коридорах мелькали женщины, искавшие безмятежного покоя, женщины, напуганные набирающим скорость миром, женщины в поисках убежища и даже женщины, с радостью служившие высшей цели. Вы нашли бы в нем ряды узких кроватей в дортуарах, длинные столы в трапезной, часовню, такую темную и тихую, что можно поклясться: в ней слышно было дыхание Бога. Короче, вы нашли бы там сестринскую обитель Святой Церкви, армию, которая не оставит в беде, накормит, оденет и всегда будет в вас нуждаться и вами дорожить. Взамен требовалось всего лишь посвятить жизнь Богу, и желающие всегда находились. А потом наступал день, когда вы отправлялись в короткое путешествие вниз по холму, сквозь тоннель между деревьями в Сад вечного покоя — его чугунные ворота и низкая каменная стена смотрели на монастырь и бесконечную красоту холмов кентского

* Решетка, которая кладется над специально выкопанной ямой и не дает животным пересекать дорогу. *Прим. ред.*

Уилда, тело снова получало отдельную постель под простым каменным надгробием рядом с сестрами Маргарет и сестрами Мэри из прошлых поколений. Если у вас были мечты, они оставались витать над зелеными холмами, а если были тайны, они навсегда оставались схоронены в надежных четырех стенах монастыря.

Нет, точнее сказать, в трех стенах, поскольку западную теперь снесли подчистую, освобождая место плавательному комплексу для проживающих. Он стоит над лужайкой для боулинга и тянется к гостевой парковке, въезд на которую ограничен такими строгими правилами, что парковочный комитет Куперсчейза представляется высшим советом заговорщиков.

Кроме плавательного бассейна в комплекс входит небольшой «бассейн для терапии артрита», очень похожий на джакузи, в основном потому, что это джакузи и есть. Владелец, Ян Вентам, проводя экскурсию, непременно покажет посетителю сауну. Он всегда приоткрывает дверь на малую щелочку и произносит: «Надо же, да здесь как в сауне!» Ян — он такой.

Теперь поднимемся на лифте в комнаты для отдыха. Тренажерный зал и студия, где проживающие могут весело отплясывать зумбу среди призраков монашеских коек. Еще есть Мозаичная комната для тихих игр и занятий. Есть библиотека и зал для более многочисленных и шумных собраний — или для просмотра футбола по телевизору с плоским экраном. Потом мы снова спустимся на первый этаж, где длинные низкие столы монастырской трапезной принадлежат теперь «первоклассному современному ресторану».

В самом центре поселка сохранилась старая часовня, примыкающая к монастырю. Светлая кремовая штукатурка придает ей почти средиземноморский вид на фоне

темной и суровой готики монастыря. Часовню не трогали и ничего в ней не меняли — одно из немногих условий, на котором настояла монастырская община, выставляя землю на продажу десять лет назад. Проживающие с удовольствием пользуются часовней. Здесь до сих пор обитают призраки, шуршат рясы и слышен шепот камней. Здесь чувствуешь себя частью чего-то неторопливого и благородного. Ян Вентам выискивает в контрактах слабое место, которое позволило бы ему превратить часовню в восемь новых квартир.

С другой стороны к монастырю примыкает то, что и стало причиной его основания, — «Ивы». Теперь «Ивы» — поселковый хоспис. Он основан сестрами в 1841-м как бесплатный приют для больных и сломленных жизнью, которым больше некуда было податься. В конце прошлого века он стал домом сестринского ухода и оставался им, пока принятые в восьмидесятых законы не вынудили его закрыть двери. Тогда монастырь превратился просто в зал ожидания, и в 2005-м, после кончины последней монахини, церковь без проволочек обратила его в деньги, продав под застройку.

Участок занимает двенадцать акров лесистой местности и красивого открытого склона холма. На нем два озера, природное и созданное работающим на Вентама владельцем строительной конторы Тони Карраном с его рабочими. Множество гусей и уток, тоже считающих Куперсчейз своим домом, явно предпочитают искусственное. На самой вершине холма, за краем леса, еще стоит овечья ферма, а на лугу у озера пасутся двадцать лам. Ян Вентам завез двух, решив, что они будут оригинально смотреться в рекламных проспектах, а дальше, как водится, дело пошло само собой.

Вот, если в двух словах, куда попала Донна.

ГЛАВА 4

Джойс

Я начинала вести дневник много лет назад, но сейчас, пролистав, сомневаюсь, что он вас заинтересует. Разве что вам интересна жизнь в Хэйуордз-Хит в семидесятых, а это, думаю, вряд ли. Ничем не хочу обидеть Хэйуордз-Хит семидесятых, я любила и место, и время.

Но пару дней назад, познакомившись с Элизабет, я попала на первое свое собрание Клуба убийств по четвергам и решила, что об этом было бы интересно рассказать. Как тот дневник про Холмса и Ватсона — кто там его написал? Людям, что бы они ни говорили вслух, нравятся убийства, так что я попробую.

Я уже знала, что Клуб — это Элизабет, Ибрагим Ариф, который живет в Вордсворте — это где круговой балкон, — и Рон Ричи. Да, тот самый Рон Ричи. Это само по себе волновало. Теперь я познакомилась с ним получше, и блеск немножко поистерся, но все равно.

Была еще Пенни Грей, но она теперь в «Ивах», это хоспис. Если подумать, я клубу как раз подходила. Образовалась вакансия, и я стала новой Пенни.

Но тогда я, конечно, волновалась. Я это помню. Я взяла с собой бутылочку неплохого вина (за восемь фунтов девяносто девять пенсов, чтоб вы представляли) и, когда вошла, застала всех уже на месте, в Мозаичной. Они раскладывали на столе фотографии.

Элизабет организовала Клуб убийств по четвергам вдвоем с Пенни. Пенни много лет служила в полиции Кента инспектором и привезла с собой нераскрытые дела об убийствах. Ей вообще-то не полагалось иметь у себя эти дела, но кто мог узнать? Начиная с определенного

возраста можно делать почти что хочешь. Никто тебе не запретит, кроме твоего врача и твоих детей.

Рассказывать о том, чем зарабатывала на жизнь Элизабет, мне не разрешается, хотя она сама иногда проговаривается. Скажу только, что убийства, расследования и много чего еще для нее не внове.

Элизабет с Пенни перебирали каждое дело строчка за строчкой, изучали все фотографии, перечитывали показания свидетелей — искали, чего недостает. Им не нравилась мысль, что виновные преспокойно продолжают заниматься своими делами. Сидят в садике, разгадывают sudoku и знают, что убийство сошло им с рук.

И еще, думаю, Пенни с Элизабет это занятие просто нравилось. Бокал-другой вина и тайна. Вполне светское времяпрепровождение и в то же время жутковатое. Отличное развлечение.

Они собирались по четвергам (отсюда и название), потому что в Мозаичной было двухчасовое окно между «Историей искусств» и «Разговорным французским». Записались они — и до сих пор пишутся — как «Японская опера: обсуждение», и это гарантирует, что их никто не побеспокоит.

Им обоим по разным причинам многие задолжали услугу, им всегда было кому позвонить, чтобы поболтать по-дружески. Судебно-медицинские эксперты, бухгалтеры, судьи, лесопатологи, конезаводчики, стеклодувы — кто только не побывал в Мозаичной комнате. Все, кого Элизабет с Пенни сочли полезными для решения какого-то вопроса.

К ним вскоре присоединился Ибрагим. Он часто играл с Пенни в бридж и раз или два помог им по мелочам. Он психиатр. Или был психиатром. Или все-таки остался. Не знаю точно. На первый взгляд ничего такого не заметно, но когда его узнаешь, то похоже. Я на терапию никогда не ходила, потому что кому оно надо — распутывать этот

клубок? Предпочту не рисковать, спасибо. У моей дочки, Джоанны, есть психотерапевт, хотя, посмотрев, какой величины у нее дом, трудно не спросить, зачем ей это. Так или иначе, в бридж Ибрагим больше не играет, и, по-моему, это досадно.

Рон сам напросился, что вас, конечно, не удивит. Он ни на минуту не купился на «японскую оперу» и однажды в четверг заявился в Мозаичную разузнать, что там творится. Элизабет, которая ценит подозрительность превыше всего, тут же пригласила его полистать дело о вожатом скаутов, которого нашли сгоревшим в лесу у самой обочины А27. Она сразу распознала сильную сторону Рона — а именно, что он никогда и никому не верит на слово. Сейчас Элизабет говорит, что чтение полицейских отчетов с точки зрения того, что полиция вам лжет, — удивительно эффективный подход.

Комната, кстати, называется Мозаичной, потому что там на большом, слегка наклонном столе собирают большие мозаики. Когда я впервые туда пришла, это был вид Уитстаблской гавани на 2000 фрагментов, и недоставало только кусочка неба. Я однажды съездила в Уитстабл, всего на один день, но не очень поняла, из-за чего столько шума. После того как попробуешь устриц, там в магазинах и посмотреть-то нечего.

Так или иначе, Ибрагим накрыл мозаику куском толстого оргстекла, и на нем Элизабет с Роном разложили сделанные экспертами фотографии бедной девушки. Той, что, по мнению Элизабет, была убита своим дружкой. Этот дружок был озлоблен, потому что вернулся из армии инвалидом, но причина всегда найдется, правда? У каждого за спиной есть грустная история, но не все же мы убиваем людей.

Элизабет попросила меня закрыть за собой дверь и подойти посмотреть снимки.

Ибрагим представился, пожал мне руку и предложил печенья. Он объяснил, что в коробке два слоя, но они хотят прикончить первый, прежде чем взяться за нижний. Я сказала, что тут он проповедует перед обращенной.

Рон взял мою бутылку и поставил рядом с печеньем. Покивал, рассмотрев этикетку, и заметил, что это белое. А потом поцеловал меня в щеку, что заставило меня задуматься.

Я понимаю, вы можете считать, что в поцелуе в щеку нет ничего такого, но для мужчины за семьдесят это не так. В щеку нас целуют разве что зятья и прочие родственники. Так что я сразу решила, что Рон из расторопных.

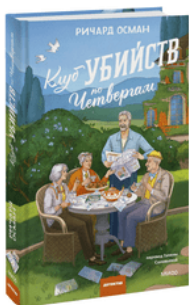
Про то, что в поселке проживает знаменитый профсоюзный лидер Рон Ричи, я узнала, когда они с мужем Пенни, Джоном, взялись лечить раненого лиса и назвали его Скаргилл*. Об этом, когда я только въехала, писали в нашей местной газете. Учитывая, что Джон — бывший ветеринар, а Рон — это... скажем так, Рон, я подозреваю, что лечил Джон, а Рон только имя подбирал.

Газета, кстати, называется «Куперсчейз без купюр» — ради каламбура.

Мы все столпились перед фотографиями. Бедняжка, от такой раны она никак не должна была умереть, даже в те времена. Ее парень сбежал из полицейской машины, когда Пенни везла его на допрос, и с тех пор его не видели. Он и Пенни ударил. Удивляться не приходится. Кто способен ударить одну женщину, ударит и другую.

По-моему, даже если бы он не сбежал, все равно выкрутился бы. Я знаю, о таком и до сих пор приходится читать, а в те времена было еще хуже.

* Артур Скаргилл — британский профсоюзный активист, президент Национального союза шахтеров с 1982 по 2002 год, известен радикальными взглядами.

Почитать описание и заказать
в МИФе

Смотреть книгу

Лучшие цитаты из книг, бесплатные главы и новинки:

Проза:

